

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

24

Москва • 2023

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, С. А. Борисов, И. А. Букринская,
Ж. Ж. Варбот, А. Д. Васюков, И. А. Горбушина, П. И. Долгополов,
С. В. Дьяченко, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, Н. И. Киреев,
С. В. Князев, М. М. Кондратенко, С. А. Мызников, С. Л. Николаев,
Г. П. Пилипенко, Биляна М. Савич, М. Н. Саенко, С. С. Скорвид,
М. Н. Толстая, Дияна М. Црняк, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. И. И. Исаев, к.ф.н. М. М. Валенцова

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. – 292 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 24) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 7–8 июня 2022 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 7–8th, 2022 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0493-0
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2023.24 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

<i>М. Н. Саенко.</i> Праславянские «редуцированные» и гласные <i>и</i> и <i>і</i> в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели.....	5
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном балто-славянском лексическом соответствии ..	40
<i>А. Ф. Журавлёв.</i> Восточнославянские этимологии (3. Укр. диал. <i>батіюта</i> . 4. Русск. <i>барахло</i> . 5. Укр. диал. <i>рахо́м'їе</i> , белорус. диал. <i>рахамо́цье</i>)	43
<i>П. И. Долгополов, Н. И. Киреев.</i> Праславянское * <i>goľь</i> в зеркале некоторых дериватов	51
<i>М. М. Кондратенко.</i> Заимствования в славянских народных обозначениях времени	76
<i>А. Д. Васюков.</i> Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации	88
<i>С. С. Скорвид.</i> О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР.....	101
<i>Н. Е. Ананьева.</i> YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров	122
<i>Диана М. Црняк, Биляна М. Савич.</i> Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки	132
<i>М. М. Алексева.</i> Детский лексикон в карпатоукраинских говорах	152
<i>Т. В. Шалаева.</i> О суффиксе существительных <i>-ой-</i> в русских диалектах ...	173
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии	181
<i>С. А. Мызников.</i> Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья	194
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко.</i> Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах	205

<i>И. А. Горбушина. Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. бутор)</i>	229
<i>Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов. Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия)</i>	236
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура</i>	246

*М. М. Кондратенко
(Санкт-Петербург)*

Заемствования в славянских народных обозначениях времени

Одной из причин заимствований в славянских обозначениях времени является особая семантическая мотивация и образность иноязычной языковой единицы. Особенно наглядно это проявляется у многозначных лексем. Некоторые заимствования демонстрируют не только сложный маршрут миграции, но и происходящие при этом трансформации значения. Чаще других в славянских обозначениях интервалов времени иноязычным является наименование астрономического часа. В западнославянских языках и словенском значительную часть заимствований составляют названия праздников, что объясняется профессиональной принадлежностью. Для болгарских говоров характерно заимствование обозначений промежутка времени между серединой дня и вечером.

Ключевые слова: славянская диалектология, лексические и семантические заимствования, обозначения времени, семантические модели в номинации.

Одним из способов номинации времени в славянских говорах являются заимствования, главным образом — из контактных языков. Анализ заимствований имеет большое значение для многих аспектов исследований в области типологии и ареалогии лингвистических явлений.

Особую ценность для изучения различных феноменов лексической и семантической интерференции представляют данные народных говоров. Чтобы прояснить некоторые аспекты состава и семантических особенностей заимствований в славянских языках, целесообразно использовать народные обозначения единиц счета и периодов времени, поскольку эта группа слов выражает особенности традиционной культуры и достаточно репрезентативна в количественном отношении.

Для большей системности в качестве ареальной единицы исследования выбраны определенные славянские диалектные микроузлы, а именно: во-первых, нижнелужицкие, кашубские, некоторые польские, словенские, северо-западные белорусские и карпатоукраинские говоры; во-вторых, болгарские (в основном родопские). Для первой группы иди-

омов характерен контакт с немецким, кроме того, для белорусских — с литовским языком, а для карпатоукраинских — с венгерским; для болгарских говоров — с турецким и греческим. В ряде случаев, а именно, для некоторых белорусских и украинских примеров, фиксируются заимствования из немецкого, опосредованные польским языком.

Задача настоящего исследования — выявить некоторые закономерности в лексической семантике заимствований и попытаться ответить на вопрос о том, можно ли констатировать некоторые общие для семантической и лексической систем славянских языков «слабые» позиции, или же характер заимствований является специфическим для каждого языка и определяется особенностями языка-донора и языка-реципиента.

Немецким и турецким заимствованиям в славянских языках посвящена значительная по количеству публикаций научная литература, в частности, о заимствованиях из немецкого в чешском и словацком языках — монография С. М. Невеклы [Newerkla 2011], в польском — труд Я. Сятковского [Siatkowski 2015], о турцизмах в болгарском языке — М. Стаменова [Стаменов 2011] и А. Граннеса [Grannes 2002] и др. Однако роль заимствований в обозначениях времени еще не получила должного освещения.

Влияние контактных языков на славянские охватывает разные лингвистические уровни, включая грамматику. Так, в кашубских говорах наблюдается калькирование немецкой конструкции для обозначения такого временного параметра, как возраст человека: *dvaszesce lat stōri* < нем. *zwanzig Jahre alt* (буквально: двадцать лет старый).

Большой научный интерес вызывают заимствованные явления лексического и семантического уровней. Одной из важнейших методологических проблем, которые возникают в этой области исследований, является непростая ситуация с разграничением семантических заимствований от сходств, обусловленных параллельными семантическими процессами в языках и сходной системой образов народной речи. В частности, в ряде славянских и немецких говоров фиксируется общий образ мартовского персонажа как молодого, неопытного, незрелого человека, который не предполагает заимствованного характера: в поднестриевских украинских говорах *марцивка* ‘девушка-подросток, ранний цыпленок’ [Шило 2008: 170] и *Märzenhäschen* (мартовский зайчик) ‘юная девушка, наивный молодой человек’ в восточнофранконских немецких говорах. С другой стороны, образ «цветущей» зимы в нижнелужицких говорах для обозначения снега, падающего крупными хлопьями, — *zuma kwišo* [Muka 1:

763] — имеет, по-видимому, источник в немецких говорах, исходя из наличия в них примеров подобной номинации: *Schneebliihen* ‘появление на небе предвещающих снег облаков’ (буквально: цветение снега) [Mitzka 3: 1230].

Вопрос о разграничении заимствований и случаев параллельных процессов развития касается, конечно, семантических явлений, поскольку лексические заимствования распознаются по фонетическому облику слова и иной экстралингвистической информации.

Так, в нижнелужицких говорах существует деление религиозных праздников на «большие» и «малые». К числу последних относится своеобразная «малая» Пасха. Таким способом манифестируется значение ‘следующее за Пасхой воскресенье’ — *male jatšy* [Muka 1: 536]. Учитывая заимствованный характер существительного *jatšy* < нем. *Ostern* ‘Пасха’, можно было бы предположить реализацию в данном случае немецкой семантической модели, например *Kleinneujahr* ‘день трех королей’, буквально: малый Новый год, отмечаемый через неделю после наступления нового года) [WvM: 103]. Однако наличие подобной номинации и в болгарских обозначениях праздников в сентябре и августе: *малката чорква* («маленькая церковь») и *големата чорква* («большая церковь») [Koseska-Toszewa 1972: 75, 67] — говорит о том, что обозначение праздника, следующего через определенный период времени за основным, как малого характерно и для славянских языков, а с учетом немецкого материала — представляет собой типологически общую для этих языков черту.

Еще одной особенностью процесса заимствования и сложностью для его изучения является своеобразное расширение семантического объема лингвистической единицы в языке-реципиенте и возникновение значений, отсутствующих в языке-доноре. Так, словенские обозначения весны как выхода *vigred*, *vilaž*, *viležaj* [Pleteršnik II: 768–769] обоснованно относят к заимствованиям из южнонемецких диалектов — *Auswärts*, *Hinauswärts* (буквально: выход наружу) [Bezljaj 2005: 313, 317]. Обычно славянские наименования весны мотивируются иначе. Однако лексема *viležaj* обладает рядом значений, не фиксируемых в немецком диалектном материале, а именно: ‘Пасха’ и ‘восход солнца’. Если принять во внимание, что в говорах Славии лексемы со значением ‘выход’ достаточно регулярно употребляются в темпоральном значении окончания или начала определенного периода времени (например, в болгарских примерах *лятото излезе, сега е есен*, буквально: лето «вышло», сейчас — осень; *да излезем на пролет*: «выйдем» в весну, то есть доживем до весны [Геров

1897: 229], а также в других восточно- и западнославянских лексемах), то, видимо, можно говорить о более сложном характере заимствования, в частности о потенциальном существовании в языке-реципиенте соответствующей семантической модели, которая заполняется под внешним влиянием. Л. П. Якубинский почти сто лет назад отмечал: «В значительной степени словарное заимствование есть проявление... на инородном языковом материале лексических отношений и тенденций, существующих в данном заимствующем языке, проявляющихся также на собственном материале этого языка» [Якубинский 1926: 1].

Можно отметить также, что некоторые славянские семантические лакуны остаются не заполненными заимствованиями из контактных языков. Например, несмотря на значительное количество заимствований из немецкого, не вошли в славянский лексикон обозначения для праздничного дня, приходящегося не на воскресенье, а на будний день, как «слепого» или «неправильного» воскресенья: *blinder/falscher Sonntag* [WvM: 48, 65].

Вопросы нередко вызывает и то, в каком из значений заимствовалась лексема языка-донора. Так, широко представленное в различных славянских языках слово *chwila* ‘небольшой промежуток времени’ восходит, по общепринятому мнению, к германскому *Weile* ‘некоторое время’ и в целом совпадает с ним по значению. Однако кашубское *wustny* [Ramult 1893: 239] / *ustni* [Sychta VI: 36] ‘совершеннолетний’, представляющее собой кальку с немецкого *mündig* (*jemu ješ něco felô do wustnoscé* ‘он еще несовершеннолетний’; буквально: ему не хватает до совершеннолетия) (при наличии в кашубском исконного наименования *peľnoletni*) воспроизводит, вероятно, значение лексемы *Mund* в значении ‘рот’, а не *Mund(t)* ‘защита’, к которому восходит немецкое *mündig* [Kluge 2002: 637].

Анализ собранного материала позволил выделить некоторые семантические сферы в славянских говорах, связанные с обозначением временных параметров, в которых представлено наибольшее количество заимствований.

1. Периоды работы и отдыха

В той или иной степени заимствования в обозначениях благоприятных, подходящих для определенной деятельности периодов времени представлены повсеместно. Так, в русских говорах Карелии отмечена лексема *вейга* ‘время дня, наиболее удачное для лова рыбы’. Примечают, что

рыба лучше всего по вейгам идет, это в семь утра, значит, в два часа и в пять вечера, вейга — так время называется [СРГК I: 169]. Данное слово соотносится с вепс. *eig* ‘время’. В этом случае речь идет о времени определенного промысла, т. е. заимствование имеет достаточно узкую сферу употребления, а именно — речь рыбаков [Мызников 2003: 383].

Такой же локальной профессиональной направленностью отличаются некоторые турцизмы в болгарских говорах: *къркъм* ‘время стрижки овец’ [Grannes 2002: 162–163; БЕР III: 207]; *гюллап* ‘время, подходящее для сбора роз’ [Grannes 2002: 55]; *таф* ‘благоприятное время для охоты’ (из тур. *tav*) ‘высокая степень нагревания, высокая температура’ и ‘удобный случай’ [Стойчев 1965: 278].

Иным характером обладают некоторые заимствования из немецкого в польских, украинских и словенских говорах, обозначающие общепринятые, универсальные, широко распространенные понятия. К ним относятся польск. *faj(e)rant* ‘перерыв в работе, окончание работы’ < *Feierabend* ‘окончание работы вечером’, гуцул. *файрант (файронт)* ‘конец рабочего дня’ [Гуц. 1997: 194], словенск. *farant* [Striedter-Temps 1963: 115]; *ферии* ‘каникулы’ из польского *ferie* «(зимние) каникулы», восходящего к немецкому *ferien*, в юго-западных украинских говорах [Lopuschanskyj, Pyts 2011: 101]. К этой же группе обозначений примыкает болг. *вахт* ‘подходящее время для работы’ из тур. *vakit* ‘время’ [БЕР I: 124].

В силезских польских говорах фиксируются лексемы *glaicha* ‘окончание определенного этапа работ’ из немецкого *Gleiche*, *szychta* ‘работа на день, в течение дня’ из *Schicht* в том же значении [Hentschel, Tambor, Fekete 2021: 92]; у словенцев — *šicht* ‘время работы в шахте’; *taverk* ‘работа на один день’ [Striedter-Temps 1963: 217–218, 236–237]. Подобные заимствования получают распространение несмотря на то, что обозначения такого рода представлены в славянском языковом материале, в частности ‘работа на один день’ в севернорусских говорах: *обыденок* ‘о чем-либо случившемся, сделанном в течение одного дня’ [СРНГ 22: 285].

Отмечены также заимствованные обозначения нерабочего времени: *айлякльк* (от *айляк* ‘ленивый’) [Grannes 2002: 1], а также рабочего, будничного дня: *катаден* — одновременно ‘рабочий день’ и ‘каждый день’ (*Аднѡса си носам в ден*, *другаса ми ѿе за катаден*) [Стойчев 1965: 182].

Заимствования могут претерпевать семантический сдвиг: *пусерки* ‘время перерыва в работе’ (*спіць дзіця да пусеркаў*) в северо-западных белорусских говорах [СБГ IV: 191] из литовского *pusryčiai* со значением ‘интервал от утра до обеда (завтрака)’ [LKŽ].

2. Обозначения праздников

Эта группа наименований также довольно многочисленна по своему составу. К ним можно отнести кашуб. *jastré* < 'Ostern' [Ramułt 1893: 61]; нижнелуж. *balabnica* 'Palmsonntag' (Вербное, буквально: пальмовое, воскресенье) < Palm [Muka I: 12], *biře* 'Pfungsten' (праздник Троицы) < др.-в.-нем. *fira* 'праздник' < lat. *feriae* [Muka I: 35], *campor* 'канун Великого поста' [Muka I: 110], *jastry* < Ostern 'Пасха' [Muka I: 534], *jatšman* 'месяц Пасхи, апрель' [Muka I: 536], *holparga* < Walpurgis 'Вальпургиева ночь' [Muka I: 399], *kermuša* < Kirmess 'Кирмесс, повторяющийся, отмечаемый ежегодно в определенное воскресенье народный праздник' [Muka I: 591]; *male jatšy* 'следующее за Пасхой воскресенье' [Muka I: 536], *mloda kermuša* 'праздник, отмечаемый в следующее за основным праздником воскресенье' [Muka I: 591], *martrowy tyżeń* 'Страстная неделя' < Martern 'мучения' [Muka I: 864] (при этом Страстная пятница имеет исконное обозначение как *śichy pětka* [Muka II: 717], букв.: тихая пятница), *stara holparga* (старая Вальпургиева ночь) 'дата, приходящаяся на день через неделю после Вальпургиевой ночи' [Muka I: 400].

В словенских говорах: *bilja* 'vigilija, вигилия, канун религиозного праздника'; *binkošti* < Pfungsten 'Троица', *fasching* 'масленица'; *pernahiti* 'праздник Богоявления' [Striedter-Temps 1963: 91, 111, 193]. В основе последнего наименования лежит заимствованное название мифологического существа Перхты, одного из центральных персонажей рождественского цикла в альпийской немецкоязычной зоне. Также в словенском зафиксированы *ebehtnik* 'месяц март' и *ebehtnica* 'праздник Благовещения' [Pleteršnik I: 192, 366] из средневерхненемецкого *ebennacht* 'равноденствие' [Lexer I: 503]; другой вариант названия — *žemnahti* [Striedter-Temps 1963: 250–251]. Аналогичная модель наименования праздника и месяца — *venahti* из Weihnachten 'Рождество', 'декабрь' [Striedter-Temps 1963: 245].

3. Время, срок, постоянство

Заимствования в обозначении родового понятия «время» встречаются в болгарских говорах (*ava* 'время' и 'обстоятельство') (Стойчев 1970: 121); в словенских говорах представлена лексема *cajt* из немецкого [Striedter-Temps 1963: 97]; в кашубских *štěrka* 'небольшой промежуток времени', вероятно, из ср.-нем. *stōt* 'кусочек, период работы, отрезок времени' [Boryś, Popowska-Taborska 2006: 117].

Некоторые заимствования дают основания говорить о германском лингвистическом влиянии при посредничестве другого славянского, например польского, языка. В северо-западных белорусских говорах зафиксировано выражение *кавалак часу*. При этом у данного слова достаточно широкая семантическая сфера употребления: *кавалак сілы* ‘хорошее здоровье’, *лодара кавалак* ‘лентяй’. С другой стороны, мы встречаем здесь выражение *кавалак часу* (*кавалак часу прайшоў, а іх няма; кавалак часу паспала, а кавалак пасядзела ў хаці*) [СБГ II: 353].

В бойковских говорах — *кавалиць* ‘отрезок времени, пути, определенный объем работы’ (*кавалиць віку вже-м прожив*) [Матіїв 2013: 198]. Аналогично в буковинских говорах: *кавало(и)к* ‘кусок, часть целого’ и ‘отрезок времени, пути, определенный объем работы’. Исходной лексемой, по-видимому, является ср.-нем. *kavele* ‘жребий, участь’. Аналогичная модель (временной период как «кусок» времени) в кашубском — *štek* < *Stück* ‘кусок’ (*štek času* ‘период времени’) [Ramułt 1893: 211].

Заимствование фиксируется в словенских говорах при номинации срока, момента наступления, исполнения чего-либо — *brīšt* из нем. *Frist* [Striedter-Temps 1963: 95]. В значении ‘определенное время’ используется лексема *cala* (*krava je uže blizu cale* — у коровы скоро отёл, имеется в виду определенное для этого время), по одной из версий, из баварского *die Zal* в том же значении [Striedter-Temps 1963: 98]. Определенная временная точка также может называться *mal* [Striedter-Temps 1963: 174]; эта лексема именуется также физический объем чего-либо.

Заимствования, как и исконная лексема, могут служить для наименования как времени, так и состояния атмосферы, погоды: в частности, в словенских терских говорах: *ura* — ‘астрономический час’ [Baudouin de Courtenay 1904: 36] и *slaba ura* ‘плохая погода, гроза’ [Baudouin de Courtenay 1904: 138].

Одной из семантических сфер, в которых фиксируются заимствования, является понятие постоянства во времени, представленное как семема ‘всегда’. В польских силезских говорах это *durś* из немецкого *durch* с тем же значением [Hentschel, Tambor, Fekete 2021: 90]; в спишских — *durk* ‘постоянно, без перерыва’, *furt* ‘всегда, постоянно’ [Kostecka-Sadowa 2019: 131].

Заимствования присутствуют в обозначении абсолютных характеристик времени. Так, в значении ‘много’ неславянская лексема сохраняется в болгарской речи албанских переселенцев: *bājъ гудѝни* ‘много лет’ [Iliev, Kazakova 2023: 11].

В буковинских украинских говорах представлены заимствования из венгерского: *вілят* ‘век, возраст’, ‘жизнь’ (с таким *пійком вілят свій будиш коротати*) из венг. *élet* ‘жизнь’ [Бук.: 57], *in* ‘постоянно, все время’ (*він сидит in над цев роботом*) [Бук.: 177]. В закарпатских говорах *мойт* ‘потом, затем, впоследствии’ (*мойт учуйеш, шчо с того буде*) из венг. *majd* [Сабадош 2008: 175], *шуга* ‘никогда’ (*шуга, н’шуга не прийду до вас*) из венг. *soha* [Сабадош 2008: 425].

4. Прошлое

В северо-западных белорусских обозначениях времени отмечена лексика, заимствованная из литовского языка. Она дает важную информацию о контактах с балтийскими языками и о семантических трансформациях таких заимствований. Исходное значение в заимствованиях может как сохраняться, например у лексемы *анадоу* ‘недавно, на днях’ из литовского *ana die, andai* (*анадоу прыякласа на слонцы*) [СБГ I: 80], так и претерпевать семантический сдвиг, как в приведенном выше примере с лексемой *пусеркі* ‘время перерыва в работе’ из *pusryčiai* ‘интервал от утра до обеда (завтрака)’.

В болгарских говорах Родоп из греческого и турецкого: *кѝнти кирѝ* ‘относящийся к старому времени’: *Їѝ сам чилѝк от кѝнти-кирѝ* [Стойчев 1970: 178] (*кѝнти*, вероятно, от *ким ти*: *kim* тур. ‘некий’ греч. *kairos* ‘время’ [БЕР 2: 373]); *авел заман* (из тур. *evvel* ‘раньше, прежде’, *zaman* ‘время’), *авѝл’замански* ‘старый, относящийся к старому времени’ [Стойчев 1965: 121].

5. Части суток

Для болгарских говоров характерно наличие заимствований для отрезков времени в рамках суток, особенно периодов утром и после полудня, например *кушлук* ‘время после рассвета, до обеда’ [Стойчев 1965: 197].

Дистрибуция заимствований (с точки зрения репрезентируемых ими семем) обладает определенными закономерностями: они используются для обозначения не только родового понятия времени, о чем была речь выше, но и астрономического часа: *сахат* в болгарских говорах [БЕР 6: 516], в болгарских говорах в Румынии *ора* ‘час’ [Младенов 1993: 388], словен. *ura* ‘время’, ‘час’ (*pow ure xoda* ‘полчаса ходьбы’ *smo šli na de-belo uro xoda* ‘шли добрый час ходьбы’) [Baudouin de Courtenay 1904: 166], также *ura* ‘погода’ [Pleteršnik II: 729]. Здесь можно наблюдать рас-

ширение значения под славянским влиянием с семантическим сдвигом ‘время’ — ‘погода’.

Заимствованные из турецкого обозначения времени в болгарских говорах часто манифестируют значение ‘три-четыре часа пополудни, полдник’: *акшѣмлък* (из тур. *akşam ahşam* — ‘сумерки, заход солнца’) [Koseska-Toszewa 1972: 65]; *икиндия* в различных говорах Болгарии: родопских, софийских, странджанских и др. [Koseska-Toszewa 1972: 72]; *малка икиндия* ‘три часа пополудни, полдник’ [Koseska-Toszewa 1972: 75]; *къораво пладне* (*къорав* — ‘слепой’ из тур. *kör* ‘слепой’) [Koseska-Toszewa 1972: 74]; *хайляз пладнина*, *айляз пладня* (из тур. *aylak* ‘лентяй’) [Koseska-Toszewa 1972: 84]; *шашкѣн пладне* (из тур. *şaşı* ‘косоглазый’) [Koseska-Toszewa 1972: 85].

Выводы

Как правило, заимствования представляют собой обозначения, параллельные исконным. Одним из важнейших семантических факторов, обуславливающих их функционирование, видимо, следует считать иную семантическую мотивацию наименования и, соответственно, его особую образность. Особенно наглядно это проявляется в тех случаях, когда заимствование полисемично. Так, *ава* обозначает не только время как понятие, но и обстоятельство, настроение [Стойчев 1965: 121].

Некоторые заимствования демонстрируют не только сложный маршрут миграции, но и происходящие при этом трансформации значения. Так, в буковинских украинских говорах *укиндіє* значит ‘время после захода солнца’ (*завтра робочі прийдуть додому укиндіє*) [Бук.: 565], в то время как в болгарских это ‘время между полуднем и вечером’ и ‘еда после обеда’.

Среди различных заимствований в славянской лексике с темпоральным значением обращает на себя внимание тот факт, что чаще других в обозначениях интервалов времени иноязычным является наименование астрономического часа: *ура* в словенских говорах из итальянского, *сахат* в болгарских говорах из турецкого (дополнительное значение ‘путь, который можно пройти за час’) [БЕР 6: 516], *šteña* — в кашубских говорах [Ramułt 1893: 211] и *štunda* в нижнелужицких [Muka II: 674] из немецкого *Stunde*.

Допустимо предположение, что наименование именно этого отрезка времени представляет собой «слабое» семантическое пространство в сла-

вянской диалектной логосфере. Этому явлению существует естественное экстралингвистическое объяснение: выделение в сутках часов — гораздо более позднее явление, чем языковая сегментация дня и ночи, рассвета и заката, поэтому здесь открываются более широкие возможности для иноязычного влияния. Однако можно предположить и некоторые сугубо лингвистические обоснования этого феномена.

Исследование славянской народной лексики с темпоральным значением показывает, что семантические заимствования представлены достаточно широко наряду с лексическими. В западнославянских языках значительную часть заимствований составляют названия праздников, что объясняется общей конфессиональной принадлежностью носителей контактирующих языков. Очень важным для решения вопроса о заимствованном или исконном происхождении языковой единицы является существование семантической модели, подтвержденной и на других примерах, характерной для одного языка или ряда контактных языков.

Источники и литература

- БЕР — Български етимологичен речник. София, 1971–2010. Т. 1–7.
- Бук. — Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці, 2005.
- Геров 1897 — *Геров Н.* Ръчникъ на българский языкъ. Пловдив, 1897. Ч. II.
- Гуц. 1997 — Гуцульські говірки. Короткий словник / відп. ред. Я. Закревська. Львів, 1997.
- Магів 2013 — *Магів М. Д.* Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь, 2013.
- Младенов 1993 — *Младенов М. Сл.* Българските говори в Румъния. София, 1993.
- Мызников 2003 — *Мызников С. А.* Русские говоры Обонежья. СПб., 2003.
- Сабадош — *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокириця Хустського району. Ужгород, 2008.
- СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1979–1986. Т. 1–5.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРНГ 22 — Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 22.
- Стаменов 2011 — *Стаменов М.* Съдбата на турцизмите в българския език и в българската култура. София, 2011.
- Стойчев 1965 — *Стойчев Т.* Родопски речник // Българска диалектология. София, 1965. Кн. II. С. 119–314.

- Стойчев 1970 — *Стойчев Т.* Родопски речник // Българска диалектология. София, 1970. Кн. V. С. 152–222.
- Шило 2008 — *Шило Г.* Наддністрянський регіональний словник. Львів, 2008.
- Якубинский 1926 — *Якубинский Л. П.* Несколько замечаний о словарном заимствовании // Язык и литература. Л., 1926. Т. 1, вып. 1–2. С. 1–19.
- Baudouin de Courtenay 1904 — *Baudouin de Courtenay J.* Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie. II. Sprachproben in den Mundarten der Slaven von Torre in Nordost-Italien. S.-Petersburg, 1904.
- Bezlaj 2005 — *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 2005. Knj. 4. Š–Ž.
- Boryś, Popowska-Taborska 2006 — *Boryś W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny Kaszubszczyzny. Warszawa, 2006. T. 5.
- Grannes 2002 — *Grannes A.* A dictionary of Turkisms in Bulgarian. Oslo, 2002.
- Hentschel, Tambor, Fekete 2021 — *Hentschel G., Tambor J., Fekete I.* Frequenzwörterbuch deutscher Lehnwörter im Schlesischen der Gegenwart. Oldenburg, 2021.
- Iliev, Kazakova 2023 — *Iliev I., Kazakova D.* Sociolinguistics of minorities. The Bulgarian dialect of the Albanian minority in Mandritza, Ivaylovgrad region (Bulgaria) // Historische Traditionen der deutsch-bulgarischen Kultur- und Wissenschaftskooperation und ihre gegenwärtigen Herausforderungen. Berlin. (In print).
- Kluge 2002 — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; New York, 2002.
- Koseska-Toszewa 1972 — *Koseska-Toszewa V.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.
- Kostecka-Sadowa 2019 — *Kostecka-Sadowa A.* Zapożyczenia niemieckie w gwarze spiskiej (na podstawie materiału zgromadzonego w *Korpusie spiskim*) // Gwary Dziś. 2019. Vol. 11. S. 123–134.
- Lexer — *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Leipzig; Stuttgart, 1869–1872. B. 1 (A–M).
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lkz.lt/?zodis=pusryčiai&id=22315530000> (дата обращения: 20.10.2022).
- Lopuschanskyj, Pyts 2011 — *Lopuschanskyj W. M., Pyts T. B.* Deutsche lexikalische Entlehnungen in den südwestlichen Mundarten der Ukraine /eine wissenschaftliche Studie/. Drohobytsh, 2011.
- Mitzka — *Mitzka W.* Schlesisches Wörterbuch. Berlin, 1963–1965. B. 1–3.
- Muka — *Muka A.* Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Wörterbuch der niedersorbischen Sprache und ihrer Dialekte. Bautzen, 1966. B. 1–2.
- Newerkla 2011 — *Newerkla S. M.* Sprachkontakte Deutsch-Tschechisch-Slowakisch. Frankfurt am Main, 2011.
- Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894–1895. B. I–II.
- Ramułt 1893 — *Ramułt S.* Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. Krakow, 1893.
- Siatkowski 2015 — *Siatkowski J.* Studia nad słowiańsko-niemieckimi kontaktami językowymi. Warszawa, 2015.
- Striedter-Temps 1963 — *Striedter-Temps H.* Deutsche Lehnwörter im Slowenischen. Wiesbaden, 1963.

Sychta — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. B. I–VII.

WvM — Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken/ Wörterbuch von Mittelfranken. Würzburg, 2001.

Summary

Mikhail Kondratenko

Borrowings in Slavic Folk Designations of Time

One of the reasons for borrowing of Slavic time designations is the special semantic motivation and imagery of a foreign word. This is especially evident in polysemantic lexemes. Some borrowings demonstrate not only a complex migration route, but also the transformations of meaning that occur at the same time. More often than others, the name of the astronomical hour is a foreign word among Slavic designations of time intervals. In the West Slavic languages and Slovene, a significant part of such borrowings are the names of holidays, which is explained by confessional affiliation of the speakers. Bulgarian dialects are characterized by borrowing the designations of the time interval between the middle of the day and the evening.

Keywords: Slavic dialectology, lexical and semantic borrowings, time designations, semantic models in the nomination